

Кристина Юраш

Бабатырь

«Литнет»

Юраш К. Ю.

Бабатырь / К. Ю. Юраш — «Литнет»,

БУДЕМ ИСКАТЬ КОНЕЦ КОЩЕЯ ВМЕСТЕ? ВЫ ГОТОВЫ СТАТЬ БАБАТЫРЕМ, ПРОЙТИ ОТБОР, УЗНАТЬ СТРАШНУЮ ТАЙНУ И ВЛЮБИТЬСЯ? Перевелись на Руси богатыри! Но остались сильные, могучие ... БАБАТЫРИ! Те, что в избе горячей депиляцию сделают, коня на каку остановят и сумки - пудовые из магазина притараканят на девятый этаж.

А потом еще своих мужиков приголубят. Нет добрых молодцев на Руси. Придется красной девице бросить вызов Кощею. Быстро найдет конец Кашея! Только сейчас меч кладенец дотащит и с коня богатырского свалится.

© Юраш К. Ю.

© Литнет

Содержание

ПРОЛОГ. Кощей Бессовестный	5
Глава первая. Бабатырь	14
Глава вторая. За Русь – усреть!	18
Глава третья. Как бабатырь сходил налево	22
Глава четвертая. Кощей бесподобный	26
Глава четвертая. Кощей бесподобный	27
Глава пятая. Кощей бессмысленный и беспощадный	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Бабатырь

Автор: Кристина Юраш

ПРОЛОГ. Кощей Бессовестный

– В зад давай! В зад! – послышался возбужденный мужской голос.
– Там грязно! – возмутилась я, оборачиваясь. Да он что! С ума сошел!
– Ну и что, что грязно! Давай в зад! – рывкнули мне на ухо, заставив вздрогнуть.
В зад? Он уверен?

– Мы слишком мало знакомы, чтобы давать в зад! – хотела сказать я, но вместо этого молча вздохнула.

Я посмотрела в зеркало заднего вида и увидела лужу размером с мировой океан! Судя по размерам, этой луже давно пора дать статус моря. Того и глядишь, через два года возле нее уже всю орали: «Чурчхела!» и возили морские экскурсии.

Что такое чурчхела я не знала. Мне всегда казалось, что это – какое-то животное. Похожее на шиншиллу. И ест ли шиншилла чурхелу, я не знала. У меня не было ни того, ни другого, чтобы ставить эксперименты.

Зато был экзамен в ГИБДД. И я чувствовала, что в скорее дуба дам от нервов, чем в зад!

Я посмотрела мельком на инспектора и сжала губы. Если бы он знал, о чем я сейчас думаю, сел бы на заднее сидение, перекрестился сразу двумя ремнями безопасности, схватил бы иконку с бардачка и целовал ее. Возможно, даже взасос. Для эффективности.

– В зад давай! – снова рывкнули мне на ухо. – Чего раскрылелась! К параллельной парковке езжай!

Я уныло посмотрела на толстого инспектора ГИБДД. Говорят, что хорошего человека должно быть много! Видимо, он – не просто хороший, а замечательный человек.

Если вы не знали, то хорошего работника ГИБДД должно быть как можно больше. Это – у них профессиональное. Чтобы видно было его издали. Тонких, звонких и спортивных уже давно раскатали по асфальту невнимательные водители. А остальные победили в результате естественного отбора и теперь принимают экзамен на права.

Когда он присел в машину, я почувствовала, как она наклонилась и заскрипела. Это называется, кажется низкий клиренс. Но я не уверена.

На колени, которые не помещались в машину, легла фуражка: «Уфффф!».

– Как будете готовы – начинайте движение! – послышался раздраженный голос. – Уфффф!

– Скажи мне, Кощей, – послышался громкий богатырский голос. В мрачной темнице заскрипели старые замки.

Гулкие шаги разорвали гробовую тишину мрачных сводов.

– Ты куда девиц девал? Почему ни одной найти не можем! – послышался звонкий, полный жизни голос.

Прозвенели могучие цепи. Пленник, прикованный к черной стене темницы, пошевелился. С ним пошевелились двенадцать цепей.

Узник поднял уголки глаз и усмехнулся. Сквозь спутанные длинные волосы сверкнул его взгляд. На его пересохших губах скользнула улыбка.

– Все тебе скажи, Алешенька, – послышался тихий голос. – Все тебе Расскажи. Иди-ка ты Алешенька... в попович. С такими вопросами.

– Куда девиц дел! – послышался голос богатырский. Факел в могучей руке высветил мрачное подземелье и стриженную богатырскую бородку. С юными богатырскими усиками.

– Много будешь знать, Алешенька, – снова послышался голос с усмешкой. – Высшее образование получишь. А оно к тебе ни к чему! Будешь профессионально непригоден к службе богатырской. Думать будешь перед тем, как с мечом на врага скакать. А это как-то не по-богатырски, дружок...

– Ты мне зубы не заговаривай! – в голосе богатыря гнев послышался. Он топнул так, что чуть земля не раскололась.

– А что? Болят, Алешенька? Так это не ко мне. К Ягине. Она заговор хороший знает. Чтобы зубы не болели, – послышался голос. Он явно насмехался.

– Ты... ты... ты мне тут не это! – пригрозил богатырь, положив руку на меч. – И не то! Мы тут о девицах толкуем! Ищем мы с богатырями, ищем, а найти не можем!

– А что, Алешенька, – вздохнул голос пленника. – Решил по девицам сходить? Тогда бери бересту и пиши: «Молодой богатырь мечтает познакомиться!»

– Все ты шутики шутишь! Ты зачем девиц беззащитных похищаешь и мучаешь? Отвечай! – голос богатырский громом ударил под мрачными сводами.

– А что? Предлагаешь мне на юношей перейти? Уже есть кандидатуры? Если что тебя не унесу! Из вредности, – усмехнулся пленник, заметно оживившись. – А что это тебя, Алешенька, вопрос этот мучить стал?

– Да потому, что не всех девиц спасли! Где остальные не знаем! – возмутился богатырь, сурово посмотрев на Кощея.

– Пособие ты мое ненаглядное, – послышался голос. – Так вы сами виноваты, что я девиц похищаю. Я же не всех беру, Алешенька. Не каждую. А только тех, кто вам не нужен. Девушка к вам и так, и эдак, а на нее смотрят, как на место пустое. Она и испечет, и нарядится, а вы мимо проходите, даже не глянув. Ну раз не нужна вам, значит нужна мне. Все просто, Алешенька.

Зубы богатыря скрипнули. Он засопел.

– Не все ж бабе праздник! Мы тоже устаем! Иногда света белого видеть не хочется. И походы военные! И ... и...

– Ну что ж ты говоришь, Алешенька, – в голосе пленника слышалась улыбка. – Пока девку не обидели, я над ней власти не имею. Пока нужна она вам, я к ней даже не подступлюсь.

– Неправда! Зубы мне заговариваешь! – воскликнул молодой богатырь. Он уже хотел закрыть ворота дубовые на замки и засовы, но остановился. Видать, передумал.

– Налево пойдешь – девицу найдешь. Направо пойдешь – девицу найдешь. Прямо пойдешь – девицу найдешь! Назад пойдешь – девицу найдешь! Тяжела жизнь Кощеева, – усмехнулся пленник.

– Ты их к в темнице держишь! Света белого не видят! – гневно выдохнул богатырь.

– Загар вреден для кожи, – послышался голос пленника, который даже не шевельнулся.

– Ты их к стенам приковываешь! – в сердцах выкрикнул богатырь.

– В душе, Алешенька, я тоже хочу, чтобы в замке уют был. Люблю красоту всякую по стенам развешивать, – заметил пленник. – Люди картины развешивают, а я девиц – красавиц. Смотришь, и душа радуется! Каждая, как картинка!

– Ты их голодом моришь! – не выдержал богатырь, едва не схватившись за меч.

– Не голодом, а диетой, – вздохнул пленник, тряхнув спутанными волосами. – Калории считаем вместе.

– Куска хлеба не даешь, хотя у самого закрома от золота ломаются! – сжал кулаки богатырь.

– Низкоуглеводная диета это всегда дорого, – со смехом возразил пленник, покачав головой.

– Слышишь, Кощей... – обернулся богатырь, раздумывая уходить. – Хотел спросить тебя, окаанный...

– Да-да, я весь во внимании, – заметил пленник. Из-за шторы спутанных волос, не было видно его лица.

Я чувствовала себя ямщиком – денщиком, который везет капризного барина в сторону его усадьбы. Пристегнувшись, я выдохнула так, словно собираюсь выпить. Но пить за рулем нельзя. Особенно, когда на переднем сидении везешь драгоценные двести килограмм инспектора. Поправив зеркала, чтобы видеть хоть что-нибудь кроме инспектора, я включила свет, щурясь на яркое осеннее солнце. Чуть не забыла!

Руки слегка дрожали, зубы постукивали, солнышко вызолотило листочки на деревьях.

Не знаю, сколько каши нужно есть, чтобы выжать это сцепление, но я, видимо, страдаю недоеданием.

– Ыыыых, – выжала я тугую педаль. – Оооох!

Все, можно два раза не ходить в спортзал! Свой норматив я выполнила!

Рука хрустнула передачей. «Джеллентваген» задрезжал и заурчал. Видимо, ей тоже было страшно. Я уныло покосилась за инспектора, который нахмурился, пытаясь застегнуть ремень безопасности. Он либо вспомнил, что он как бы инспектор. Или не доверял моим талантам.

– Дырдырдыр, – тряслась машина. Я еще раз обернулась и посмотрела по зеркалам. А вдруг какой-то скупающий КАМАЗ захочет познакомиться с нами, вылетев на учебную площадку?

Пока что все идет хорошо! Но в задницу! Прямо-таки замечательно, но в задницу!

– В зад давай! На начало маневра! – ткнули мне в сторону лужи, которая прикрывала собой всю разметку. – Параллельная парковка!

Ага! Сейчас! Так, а где вообще хоть одна линия?

За время обучения в автошколе я узнала три вещи.

Первая, сцепление пахнет дохлой кошкой.

Вторая. Посмотри направо, потом налево, потом назад, потом помолись и только потом проезжай перекресток по главной дороге на зеленый сигнал светофора.

Третья. Ночью пешеходы любят надевать черное и красться в темноте аки ниндзя вдоль ночных дорог. Изредка сходя на обочину.

Я дала задний ход, рассекая коричневые волны грязи, как Дед Мазай, отхвативший приличный кусок инспекторской зайчатины к ужину.

Медленно, словно баржа, тянущая на буксире крейсер, я пыталась вычислить примерную разметку. Наощупь.

– Дрррр! – гудела машина, всплывая в лужу. Море вышло из берегов. Я чувствовала себя старшим помощником. Пока рядом со мной сидел капитан. Погоны уверяли, что он – капитан.

– Че ждем? – подстегивал меня капитан. Я видела вдалеке айсберг плавающего конуса.

Медленно, словно черепашка, я плыла по воде, слыша нетерпеливое покашливание на ухо. Повязка съехала мне на подбородок. А я мстительно посмотрела на инспектора. Это был мой последний экзамен. И если я его не сдам, то мне придется начинать все сначала.

Я сдавала уже четыре раза. И все четыре раза меня валили на какой-то мелочи. Это было просто издевательство какое-то!

– Почему так рано включила поворотник? Почему не припарковалась там, где сказал инспектор, а на два метра позже? Почему мы ползем, как улитка?

Я отгоняла мысли, которые заставляли меня нервно сопеть.

«Опять не сдала! Ну у тебя же руки из жопы!», – слышалось из комнаты, когда я уставшая звенела ключами, плюхаясь. «Ну чего ты расстроилась? Ну рукожоп ты у меня! Ты чего? Обиделась? На правду не обижаются! Я же тебя любя!», – слышались липкие слова, от которых тут же портилось настроение и прокисала даже самая свежая мотивация.

– Почему ползем, как улитка? – раздраженно повторил инспектор, пока мы шли на погружение. Он посмотрел на часы. Инспектор уже опаздывал на встречу с обедом. «Так, кто по быстренькому до обеда?», – спросил он, выходя из здания. Я!

– Осторожно, – сопела я, пытаясь отыскать если не Атлантиду на дне этой лужи, то хотя был разметку.

«Все равно не сдашь!», – слышала я голос инспектора. «Ну кто виноват, что ты такая? Другие сдают с первого раза, а ты...!», – слышался голос моего почти мужа. «Минус бал! За то, что слишком быстро посмотрела в зеркало заднего вида! Что значит, я в этот момент моргнул? Не видел? Значит, не было! Минус бал! Итого, минус пять баллов! Выходи, не сдала!», – снова всплывал в памяти голос инспектора. «Ну курица ты за рулем! Смирись! Да ты ничего толком сделать не можешь!», – слышался зевок из кухни. «Минус балл за то, что слишком резко отпустила сцепление и заглохла!», – вертелся в голове предыдущий экзамен. «У тебя ничего не получится! Зря стараешься! Я что? Тебя первый день знаю? У тебя никогда ничего не получится! Баба за рулем – обезьяна с гранатометом! Слышала песню про курицу, которая паркуется? Сейчас включу!», – звенели на кухне чашки.

Мысли, словно пчелы роились, гудели и больно кусались. Голова болела, словно раздраженный улей. Я не сдам. Я приду домой, выслушаю заготовленную речь, узнаю, что кто-то сдал с первого раза, налью кофе, посмотрю на него, а потом выплесну его в раковину и пойду спать и обижаться.

«Что? Не сдала? Так я и знала! Опять!», – представлялся вздох мамы в трубке. – «А вот дочка Тети Ани с первого раза сдала! Она нас вчера подвозила. И муж ей красивую машину купил. Дорогую. Иномарку! И на Мальдивы свозил. А вчера она ко мне забежала, чтобы фотографии из Турции показать!».

– Ыrrrrrr! – чуть не сгрызла я руль, чувствуя себя сказочным героем в которого давным-давно никто не верит.

Улей в голове гудел и противно жужжал.

– Rrrrr! – прорычала я, рассекая лужу. Все вокруг смеялись, а я не могла понять почему. Взглянув на лицо инспектора, я поняла. Я еще не заглохла. Поэтому экзамен продолжается!

– Давай! Только не глохни! – подбадривали меня криками, а я стала медленно ползти по луже. Сначала вперед, потом назад, словно ища нужную линию.

– Быстрее! – рявкнул мне инспектор. – У меня обед!

– У меня тоже! – внезапно для себя ответила я. И сама себе удивилась. Я впервые ответила то, что думаю.

Если где-то в книге рекордов Гиннеса осталось для меня местечко, то так и запишите! Самая долгая параллельная парковка на свете! Мой личный рекорд! Сорок минут! Под бурные овации других сдающих.

Инспектор сидел молча. В машине везде были камеры, поэтому все нехорошие слова в мой адрес застряли где-то на подходе. Единственное, что он мог, так это смотреть на меня так, словно упадет на меня, стоит мне закончить экзамен.

Я повернулась к нему лицом, улыбнулась и ме-е-едленно, в час по чайной ложке стала снова штурмовать лужу.

– А мы на лодочке катались! А не гребли, а целовались! – запела я, глядя на обалдевшего инспектора. – У вас времени много? Если что до пятницы я совершенно свободна! Потом сразу заеду в похоронное агентство и узнаю, сколько стоят похороны мужа, умершего голодной смертью возле полного холодильника еды.

Медленно, наслаждаясь мучениями жертвы, я пошла на маневр. Поделаться он ничего не мог. Пока я не заглохла, я имела право парковаться, сколько влезет.

– Из далека до-о-олго, течет моя Во-о-олга! – пела я за весь ансамбль, прокатываясь по луже. – А мне семнадцать лет!

В глазах у инспектора читалось то, что он со мной сделает в грубой извращенной форме, стоит мне заглохнуть!

– А мне семнадцать лет! – пропела я, слегка приврав. Чтобы неповадно было.

– Где же смерть твоя, Кощей? – произнес богатырский зычный голос. – А то мы ищем-ищем, а найти ее не можем...

Где-то в мрачной темнице гулко капала вода, отмеряя бесконечное время заточения бес-смертного пленника. Он сидел на полу с раскинутыми и скованными руками.

– Не помню, куда положил. Старый стал, – усмехнулся пленник. – Вы под тронем смотрели? Нет? А на подоконнике? Можете на полочках посмотреть...

Было не видно, смеется он или говорит серьезно. В темницу не проникал никакой свет, а свет тусклого факела, казалось, съедает темнота.

– Я про смерть, которая в твоём яйце! Хорошо, в каком яйце смерть твоя? – рявкнул богатырь, громыхая мечом.

– В правом или левом. Не помню точно! Давно не смотрел! – усмехнулся пленник, шевеля кистями рук, прикованными к стене. – Все руки не доходили. Точнее, не дотягивались...

В тишине мрачной камеры звучал приятный смех. Пламя факела дрогнуло, словно от дыхания зла.

– Прямо наперсточки, да, Алешенька? – усмехнулся пленник, глядя на молчаливого богатыря. Богатырь пребывал в растерянности. Но старался не подавать виду.

– Да хватит со мной свои шутки шутить! – не выдержал богатырь. – Отвечай по-хорошему!

Пленник поднял голову. Волосы облепили его скулы и прилипли к пересохшим губам.

– А вы разве по-хорошему? – спросил пленник. – Даже водицы не даёте напиться... Голодом морите, воды не даёте... Вот принес бы ты, Алешенька, друг мой сердечный... Ой, прости, печеночный. Так вот, Алешенька, друг мой печеночный, принеси мне водицы, и я скажу, где смерть спрятана. Даже на карте нарисую крестиком.

Богатырь ничего не сказал и ушел, а пленник вздохнул, провожая взглядом его могучую фигуру. Он откинул голову на сухую стену, почему-то улыбаясь. Угольки глаз пленника на мгновение сузились.

– Мо-о-оре- мо-о-оре! Лик бездонный! – пела я, катаясь по луже туда и обратно. За окном я видела смеющиеся и счастливые лица. – И что-то там дальше... О! Вспомнила! В синем море в белой пене! Оставайся мальчик с нами, будешь нашим королем!

– Будешь нашим королем! Ла-ла-ла! – пели остальные, вызывая у меня прилив сил.

Мальчику было лет сорок пять. И оставаться со мной он не собирался. Судя по взгляду, ему очень хотелось на трон. Но тронный зал был исключительно для сотрудников, а не тех, кто ждет своей очереди. Поэтому мы бегали в кустики крапивы, стыдливо высываясь из них и вздыхая.

Я чувствовала, что давно так не отдыхала на море, а тут прямо такая возможность.

– Здравствуйте, вас приветствует экипаж нашего лайнера. Наслаждайтесь морем, солнцем и пейзажами! Справа бар, слева бассейн, на верхней палубе у нас.... Ой! – наехала я на камень. – Идем на погружение!

– Эстакада! – рявкнули мне на ухо.

– Как скажете, – мило ответила я, вырываясь на берег.

Я с удовольствием вырвалась на эстакаду. Мокрый след от машины разделил во мне что-то на до и после.

Родители учили быть скромной и тихой, сидеть и не высываться. А все тяготы судьбы принимать с обреченной покорностью.

«Выше головы не прыгнешь! Не жили богато, и пытаться не надо! Куда ты лезешь! Не по Сеньке шапка! Лучше синица в руках, чем журавль в небе!», – твердили мне по любому поводу. И мне кажется, они были неправы! А может, я все смогу, если захочу?

Я вырулила на эстакаду и доползла до стоп-линии, зависнув на тормозе.

– Газуй, – пробухтел гаишник, глядя на собравшиеся «сверхурочные».

Я лихо заехала на пригорок, что эстакадою зовется, а потом спустилась с него. Плавнo затормозив перед стоп – линией, я выдохнула.

– Стоять! Поедешь, когда я скажу! – с кряхтением заерзал инспектор.

Вся эйфория тут же сошла на нет. А вдруг переехала линию? Вдруг слишком поздно затормозила?

– Эх, ох, ух, – дверца пассажира открылась. И машине тут же полегчало. – Сейчас проверим!

Он грузно направился к бамперу и линии. Я занервничала и приподнялась на сидении. За капотом ничего видно не было, кроме двух полушарий в синих штанах. Если судьба решила повернуться ко мне попой, то она выбрала самую большую из тех, что были в окрестностях.

– Сойдет, – послышался запыхавший голос, пока я выдыхала, повиснув на руле и педалях.

Он поднял голову. Он выглядел так, словно сходил в спортзал.

– Трогай! – рывкнул инспектор, махнув рукой.

И я отпустила тормоз.

Только через секунды три – четыре я поняла, что случилось. И почему на меня так странно смотрит гаишник. Еще бы! Он был у меня на лобовом стекле и на капоте. А я от страха перепутала педали и дала газ!

Машина дернулась и понеслась вперед.

– Вот! – послышался звон железного ведра. Огромное железное ведро было поставлено на пол могучей богатырской рукой. – Пей! Как выпьешь, так и поговорим!

Голос богатыря был грозным. А вода в ведре выплеснулась ему на сапог.

– Ну, неси сюда, Алешенька, – послышался сипловатый кашель пленника. Говорил он тихо, словно на последнем издыхании. – Неси, я не кусаюсь. Как хорошо, что есть кому ведро воды подать перед смертью лютой от рук богатырских!

Богатырь поднял ведро и склонил к голове пленника. Вода лилась, но ни одна капля не упала на пол.

– Пей, пей, – послышался недовольный голос богатыря. Он почему-то скривился. – Не то, что девицы несчастные, что в темнице твоей томятся. Мучаются бедные, без еды и воды... Ты же девицам даже воды не подал! Но мы – не ты.

Кощей жадно пил и молчал. Ведро заканчивалось, а он все пил, пил, пил.

– Спасибо тебе, матушка природа, – послышался голос, когда пленник откинулся на стену. – За то, что так удачно отдохнула...

Что-то в темноте хрустнуло и звякнуло. Два раза.

– Ты чего это? – прищурился богатырь. Он не понимал, откуда доносится этот хруст. В этот момент пламя факела заплясало, затанцевало и потухло. Все погрузилось в сине-серый мрак.

Где-то там наверху послышался удар грома. Отдаленный, приглушенный, словно неподалеку бушевала гроза.

Гроза становилась громче. Где-то над подземельем небо заволокло свинцовыми тучами. Они стягивались со всех сторон и зависали над замком.

– Кажется, дождь собирается, – послышался голос Кощея. Он поднял голову и посмотрел куда-то под мрачные своды.

Послышался грохот. Прямо под ноги богатырю ударила молния, расколов темницу на части. Звякнули об пол тяжелые ржавые цепи, рассыпаясь в прах. Пленник медленно встал.

Лишь на мгновение блеск молнии осветил бледное лицо узника. Его руки наливались силой, а он с легкостью вырвал оставшиеся цепи из стены.

– Был когда-то я богатырем, как ты Алешенька, – послышался вздох из темноты. – Леснит. Звали меня так. Слышал про такого? А потом я испо-о-ортился...

Пленник обнюхал себя.

– Сильно испортился, – усмехнулся он, тряхнув спутанными волосами.

Алеша стоял, ни жив ни мертв. Он словно окаменел, глядя на могучую темную фигуру, стоящую перед ним. Он хотел было схватиться за меч, но попятился и упал на спину.

– Знал бы, ни за что воды не подал бы... Как там у нас? Принесли богатырю воды, вернулась к нему силушка богатырская... И так далее, и тому подобное... – слышался голос Кощея.

Бледная рука пленник потерла запястье, словно стирая след долгого заточения.

Где-то бушевала гроза. Потухший факел лежал на полу. Вспышка молнии осветила лежащего на полу богатыря. На его лице был испуг, а сам он пытался схватиться за меч.

Молния высветила кости, валявшиеся в темнице. С третьим ударом молнии кости серебряной пылью потекли к пленнику, обволакивая его и превращаясь в зловещий костяной доспех. Пленник наступил на богатырский меч, с легкостью ломая его пополам.

– Алешка- Алешка, – присел пленник, склонившись над бледным богатырем. – Ну вот что с тобой делать, Алешка? Да ладно тебе, не бойся. Ты же у нас – последний богатырь?

Костяная рука ласково потрепала богатыря за кудрявый чуб. Они находились друг напротив друга. В молодом богатыре кипела жизнь. Сам он был как яблочко наливное. Напротив него стояла смерть. Черная, бледная и слегка болезненная.

– Пойду – ка я, – вздохнул заметил бывший узник, поправив волосы богатырю. – А то столько девиц голодом не морено, цепями не ковано и в замке моем не мучено.

– Как тебя носит земля! – процедил богатырь, глядя на обломки своего меча.

– На руках, – в голосе послышалась улыбка. – Эх, Алешка! Хороший ты парень. Пока ты здесь меня караулил, твоя невестушка поди забыла, как ты выглядишь... Истосковалась вся, слезы горькие проливает.

– Не смей ее трогать! – выкрикнул богатырь, подбираясь спиной к стене. – Я тебе этого не прошу!

– Перевелись богатыри на Руси. А куда перевелись? Видимо, на заочное! – рассмеялся бывший узник, потрепав по голове богатыря и шагнул в каменный разлом.

Удар молнии напоследок осветил его могучую фигуру. Через мгновение в небо взлетел огромный черный ворон. Огромная птица рассекла дождь и скрылась в черноте.

– Беда-а-а! – закричал Алеша, вставая на ноги. – Кощей сбежал! Собирайтесь богатыри! Кощей...

Никого не было. Только дождь лил, как из ведра.

– Собирайтесь, богатыри... – тише произнес Алеша, осматриваясь по сторонам. – За землю нашу... Седлайте коней богатырских... На супостата... Ээээх!

Он размахнулся и поддал ногой железное ведро, лежащее на полу. От души поддал. Словно оно одно во всем виновато.

Конечно, потом скажут, что это была ошибка инспектора. Что он слегка переоценил свою скорость посадки в машину и рано отдал команду. Но сейчас это было неважно.

Цепляясь зубами за воздух, ослепевшим взглядом за меня, доблестный инспектор отдавал честь и концы, одновременно.

Видимо, мама говорила ему однажды: «Будешь плохо учиться – пойдешь работать дворником!». Но он пошел в инспекторы, чем очень гордился. Но мама все-таки оказалась права. Сейчас он работал дворниками на моем лобовом стекле.

Только спустя секунд пятнадцать, до меня дошло, что происходит. Что это – не сон, а по-настоящему.

Я тут же ударила по тормозам. Инспектор скатился вниз и тут же превратился в лежащего и охающего полицейского. Пока я отходила от шока, он, пошатываясь, поднялся. Теперь он уже не стеснялся камер, народа и собственной совести.

– Главное, что живой, – вцепилась я в руль. Эта мысль меня утешала.

Я узнала, что у меня очень гулящая мама, гулящий папа и гулящая бабушка. У меня вообще все гулящие до седьмого колена! Удар об землю, открыл в нем дар экстрасенса. Он сразу постановил, что я родилась в год Собаки, и что в личной жизни у меня все хорошо и регулярно. Потом емко охарактеризовал ситуацию в целом и сообщил, что права я получу только через его труп. И на всякий случай отошел подальше от машины, чтобы я не восприняла это, как руководство к действию!

На дрожащих ногах я вышла из машины. Меня все еще трясло. Я сбила инспектора ГИБДД... Сбила инспектора...

Как вдруг со всех сторон на меня посыпались аплодисменты. Я осмотрелась по сторонам, видя счастливые лица.

– Ты молодец! Так и надо! Я уже четвертый раз экзамен сдаю! Крутяк! – слышались голоса, прорываясь через какую-то пелену.

Меня провожали, как национального героя. Даже жали руку.

Я поплелась на остановку. Надо купить проездной, что ли?

– Эх, Алешенька, – слышались голоса. – Наворотил ты делов! Кто ж Кощею воды дает! Освободился Кошей. А у нас богатырей нет! Сражаться с ним некому! Где же теперь богатырей брать? Придется, искать нового богатыря!

Алеша стоял, опутив головушку, словно пришел с повинной.

– Чтобы любого супостата одолеть смог! Выйти на бой неравный с вражиной, что во много раз его больше! – предложил голос.

– И чтобы сильным был! Одним махом гири пудовые поднимал! – предложил второй голос. – И скромный, чтобы подвигом своим не гордился!

– Ты выйди, встретить меня, – пробурчала я в трубку телефона, глядя на окна девятого этажа.

Две тяжеленные сумки с едой стояли возле ног. Из пакета выпала сладкая кукуруза. Макароны порвали пакет, и теперь в нем была огромная дырень.

– Нет, не сдала! Нервы сдали, а я нет. Спускайся! – раздраженно бросила я, глядя на присыпанную осенними листьями ... мою машину.

Я так хотела научиться водить. Чтобы ехать, куда мне вздумается. Не просить, не уговаривать, не ждать, когда доиграют Хренчестер с Гамбитом. Не подпирать двери туалета: "Ты там скоро?". А просто сесть за руль и поехать по своим делам.

– Эххх! – выдохнула я, ловя лицом первую каплю дождя.

Небо заволокло тучами. Все вокруг потемнело. Где-то вдалеке слышались раскаты грома. Вовремя я домой!

Я постояла минут десять, поглядывая на подъездную дверь. Сегодня явно не мой день.

Снова гроыхнуло. А по козырькам и машинам на парковке застучал холодным осенний дождик.

Я открыла дверь подъезда и потащилась по лестнице, как гужевая повозка.

Приползешь, бывало, с работы, смотришь глазами в пустоту. А в раковине гора тарелок. Словно к нам Али Баба и сорок разбойников приходили в гости. А по запаху – ночевали триста потных спартанцев. И какой-то Ксеркс, который наксерил в туалете и забыл, где кнопка смыва.

Носки по всей квартире разбросаны. Территорию метит. Чтобы вошел любовник, если что. Носом потянул запах. А тут сразу понятно, что мужик обитает.

А тебе с порога про то, как сыграл Хренчестер с Гамбитом. И кто, в каком тайме кого раскатал. И чья волосатая нога забила решающий гол перед самым таймаутом. А потом про начальника своего. Который, конечно же, редкостный козел. Вечно что-то требует. Ишь, че удумал! Мало того, что требует, так еще и по работе! Как будто он на работу работу работать ходит! И послать его хочется. Да банальная вежливость и врожденная интеллигентность не позволяют.

Потом про какого-нибудь друга Андрея. У которого вчера машина сломалась и жена изменила. Причем, так радостно, будто с ним. И про то, что вечером намечаются проводы машины на свалку, а жены в новую счастливую жизнь. С обильным возлиянием. Заодно и Степаныча в армию проводят. В армию алкоголиков. Так что жди к утру. Воскресенья. Через месяц из травматологии. После крика: «Смотри, как я умею!».

Я потыкала кнопку лифта попой. И слышала вожденный гул спуска. Бочком я заползла в лифт, раскорячившись над свежей луже. А потом ткнула локтем на нужный этаж. Лифт загудел, стал подниматься. Несколько раз тревожно мигнул свет, а лифт остановился. И тут же резко сорвался вниз.

Вместе с лифтом вниз ухнуло все.

– Аааааа! – заорала я, падая вместе с сумками в темноту.

Плейлист автора:

Студенческий хор Пермского краевого колледжа искусств и культуры (Student Choir of Perm State College of Arts and Culture) – Сидел Ворон – There Sat The Raven

OmegaSign – Sztoj Pa Moru (Slavic Trap Remix)

Земля Легенд – Имя твое

Земля Легенд – Ночь

Русская Рать – Ой, что-то мы засиделись братцы

Иван Царевич – Иду на вы

Мельница – Гори, Москва

Глава первая. Бабатырь

Тропинки, ведущие сюда уже давным-давно были забыты, заросли бурьян-травой. А где-то неподалеку шумела черная река – Смородина, текущая без конца и края. Через нее перекинулся окутанный туманами мост, ведущий на погибель верную, на смерть лютую. Кому, как больше нравится.

Стоило шагнуть на этот мост, как попадешь в таинственную Навь, где живут темные боги и нечисть. Поскольку граница Нави была слишком близко, то и время здесь текло иначе. Медленно, словно почти остановилось.

Коли б стоял на посту богатырь, то шурился бы на туманный берег, высматривал тех, кто к людям собрался. Не пустил бы супостата, отогнал бы вражину, загнал бы обратно в Навье Царство. Но за неимением богатыря к дереву была прибита очень грозная табличка: «Осторожно! Злые богатыри!».

А ведь были времена, когда богатырской силушкой загоняли полчища нечисти обратно в Навь удары могучих мечей. Не пускали их в царство Яви, где им не место. А сейчас нечисть совсем распоясалась. Ходит, как к себе домой! Понаделали проходов и там, и тут. Русалки, домовые, лешие, водяные – кто хочет, тот и прет! Недавно видели, как Кикимора под табличкой отдыхала. «Осторожно! Злые Богатыри!».

– Ой, да ладно! Уйду ради приличия! Лучше под вон тем деревом посижу! – обиделась она, глядя на наивных людей.

В огромном бревенчатом доме, чьи окна выходили на речку Смородину, все с ног сбились! В резное деревянное окно залетал осенний ветер и вносил листья. Они шуршали по углам, под ногами и напоминали о том, что скоро придут холодные туманы. И повиснут клоками на голых ветках деревьев.

Все выглядело пестро, нарядно и уютно. Так и хотелось залечь под плед с кружкой кофе и лениво листать книгу. Но нет!

Говорят, что когда переведутся на Руси богатыри, то можно один раз за тысячу лет призвать богатыря. Того, в чьих жилах течет кровушка богатырская. И поскачет он на врагов полчища. Да по окрестным соснам всех развесит – раскидает.

– Каравай несите! Да не простой! А богатырский! – визгливо кричал женский голос. Женщина в красном сарафане подобрала подол и металась среди толпы. – Простой-то ему что? Богатырю нашему, призванному. На один зуб!

– Ыйых! Держите его семеро! – послышались сдавленные крики и натужное сопение. Что-то с грохотом упало. Следом донеслись крики боли: «Ай! Ай! Ой! Прямо на ногу!». Потом крики стихли. Дверца со скрипом приоткрылась и....

Тадам!

Прямо в горницу расписную шестеро добрых молодцев каравай вносили. Один, правда, хромал. Нарядный с лебедями и косичками, каравайше медленно вплывал в горницу. Несли его на манер гроба, положив на плечи.

– Ну что у вас лица такие, хоть спляшите, что ли! – послышался голос старика, что возле печи грелся. – Еще разочек! Все будем повторять, чтобы в глазах богатыря в лужу не упасть! Он же наш – защитник! Кто же еще Кощея пленит и обратно в темницу вернет?

Добрые молодцы взяли каравай и снова вынесли его прочь. Послышался стон: «Держи его нормально!», и дверца со скрипом открылась.

– Так, гусяры! А ну как... – командовал старик. Он сидел на скамье, опираясь на узловатую палку. Над ним висела огромная кольчуга и меч. В три его роста.

– Эх, были времена, – вздохнул старичок, поглядывая на огромный меч. – Ух, каким я был богатырем! Все враги при виде меня сами в землю зарывались! Не было такого супостата, который был бы мне не по зубам! Как хрястну палицей – по шею в землю войдет! Как махну мечом, на триста верст отброшу! Как гляну, так сразу пойму, что ворожина замыслил.

И снова вздохнул, вспоминая былые времена.

– А теперь смотрю я на супостата своего, – опустил он глаза на штаны. – Чую, что замыслил, что-то недоброе. Знаю, что нападет внезапно, что добежать не успею. Эээх!

– Та-та-таритам! – хлопали все в ладоши, когда танцующие и потеющие молодцы несли богатырский каравай. По глазам уже было понятно, что еще немного и добрые молодцы кончатся. Останутся только злые и уставшие.

– Интересно девки пляшут, – слышался голос старика, подслеповато шурясь. – Вон та, ну прямо красавица писанная! Гляди, как выводит! Эх, был бы я моложе...

– Уууу! – взвыла «девица» мужским басом, когда каравай с грохотом упал на пол. И придавил «красну девицу». «Красну девицу» взяли под руки и увели.

– Жаль, красивая девка была, – подслеповато прищурился старик. – Но хоть Кощею проклятому не досталась!

– Да не девицы это! – скосились на старика – богатыря. – Не девицы!

– Ой, горе-то какое! Куда ж только родители смотрели! Не девицы уже! Тьфу! – скринулся дед в лаптях и очень мудро вздохнул. – Чей-то в животе урчит... Не иначе как к дождю...

– Та-та-ти-та! – хлопали в ладоши. В горницу снова внесли «богатырский каравай». – Носочек тяни! Носочек! Тяните! О! О! Лепота!

Добрые молодцы в красных кафтанах обливаясь потом несли огромный шлакоблок с лебедями.

– А за что люблю Ивана, что головушка кудрява, – выдал дед, танцуя на месте. – Кудри выются до конца, у Ванюши – молодца! Иииих! А че я не то спел? Все то! А что это девки покраснели?

– Это не девицы! – терпеливо объясняли старику. – Это – молодцы!

– Тем паче стыдно! – сплюнул дед и нахохлился, как воробей. Обиделся.

– Меч богатырский ищите! – крикнул кто-то из суевающейся толпы. – Меч богатырский! А то чем он с Кошеем сражаться будет?

Меч, меч, меч! С этими криками все разбежались.

– Нашел! Меч богатырский! – слышался топот. – Вот! Держите!

– Да что это ты принес! Да ему этот ножичек яблоко разрезать! – возмутились голоса. Не так они представляли богатырский меч. – Это ж наследник богатырской славы! Последний богатырь! В нем кровь богатырей течет!

– Может, этот? – на всеобщее обозрение выставили еще один приличный меч. Острие сверкнуло хищным светом.

– Мал! Ну там же ручища-то ого-го! Это ж богатырь! – причитали люди, расхаживая туда-сюда. – Он врагов на одну руку клал, а второй прихлопывал! Больше меч надобно! Чтобы раз! И всех супостатов снесло! Или палицу богатырскую, чтобы в землю вражин вбивать!

– Вот!!! – слышались крики. Трое молодцев меч тянули. Огромный, в рост человеческий. – Дуб перерубит за один удар!

– И кольчугу побольше! Чтобы на солнце золотом сверкала! – суетились все. – Шлем, шлем, не забудьте!

– А про коня кто помнит? Богатырский конь у нас один! Как копытами оземь ударит, так терем и подпрыгнет! – слышались голоса под окном.

– И коня сюда ведите! Все сюда! Надобно снарядить богатыря на битву с Кошеем! – топали по деревянным полам сапоги. – Пусть увидит наш богатырь коня своего боевого!

Мимо прошли злые и потные молодцы. Несли они щит огромный. Сразу десятеро.

– Не понравится богатырю прием наш! Надобно ему девиц – красавиц привести! – напомнил дед. И горестно шмыгнул. – Скажите, пусть девки наряжаются! Может, невесту себе сразу выберет! Вон у нас какие девки – одна краше другой!

– И правда! И портрет его богатырский несите! Как не нарисовали? А ну быстро малюйте! Что значит, не видали еще! Так в шлеме рисуйте и в доспехах! На коне боевом да с мечом в руках! И врагов побольше нарисуйте! Полудохлых! – вздохнул дед, командуя парадом. – Вот, когда я был богатырем, я...

Но его никто не слышал. Все бегали, сустились. То меч проверят, то кольчугу на размер больше принесут. А потом ввели коня. Шел он чинно, тяжелой поступью. Глаза у него были добрые-добрые. Но умные.

В горницу впорхнули красны девицы. Стали кружиться, сарафаны показывать. Все нарумяненные, как с мороза. Косы тугие, длинные, лентами плетеные. Встали они, затаив дыхание. Богатыря ждут – встречают.

– Богатырь – мой! – спорили они, поправляя бусы и рукава. – На чужого богатыря рот не разевай! Буду – женой богатырской.

– Раз, два, три! – расступился народ, затаив дыхание. – Сейчас явится наш богатырь!

Как вдруг прямо на них овощи посыпались. Сначала кабачок, потом помидоры. И лимончик в пакетике. Ну еще бы! Богатырь, он же богатырь! В здоровом теле – здоровый дух! Чем ему, как не овощами питаться?

Народ одобрительно закивал.

Следом на деревянный пол упала железная штука с красивой надписью: «Кукуруза!».

Упала и под ноги людям покатилась.

– Гляди-ка вооружен! Вон какой штукой в супостатов кидает! – перешептывался народ, поглядывая вверх.

А следом хлебушек, в пакете, нарезной.

– Хлеб – всему голова! – зашептались люди, ожидая самого богатыря. Но его пока не было!

– Это че это упало? – спросил дед, прищурившись. – Сред-ство для мыть-я по-лов. Акция!

Он повертел в руках огромный бутыль и одобрительно кивнул.

– Видать, после того, как всех врагов уложит, полы моет! Чистоплотный! – согласился дед, отставляя в сторону.

Потом упали розовые прихваточки. Три штуки. «В помощь хозяйшке!». А следом трусы женские и пара носков в цветочками.

Народ переглянулся, глядя на «богатырские вещи». А потом посыпалось. Молоко, яйца, пельмени, макароны. По полу забарабанила картошка. Три килограмма. Влажные салфетки «Антисептический восторг», приправа для курицы...

И вроде бы все стихло.

Зря народ подошел поближе, смотреть, когда же богатырь вывалится! Если в пакете лежит приправа для курицы, значит, где в пакете лежит и сама курица! А может, даже две!

– Ой! – шарахнулись люди от «куриной бомбежки».

Дед поднял упаковку котлет и покачал головой.

– Уже из врагов котлеты нарубил и накрутил! Вот удалец-молодец! – крикнул дед, сжимая котлеты. – Сразу видно, что басурмане напали! Вот из них и накрутил! Видали, тут по басурмански написано!

– Ааааа! – послышалось долгожданное откуда-то сверху, а на пол кто-то упал, поднимая пыль столбом.

Пока пыль рассеивалась да улечься пыталась, послышался стон и: «Кхе! Ой!».

– Ну, богатырь – богатырюшка! Добро пожаловать! – поклонился народ.

– Иии, – выдал пискляво богатырь. А на полу рассыпались макароны.

– Ой, – пискнул богатырь, пока все смотрели во все глаза.

Росту в богатыре было два вершка. Плечи худенькие, волосы длинные, растрепанные. Глазища большие. К груди богатырь прижимал еще один пакет.

– Апчхи, – звонко выдал богатырь. И поправил бюстгальтер. – А вы кто?

Вдруг музыка послышалась. А шестеро злых, но все еще улыбающихся, молодца каравай понесли. Танцевали они с караваем, взвалив его на плечи.

– Ой, соболезную, – тут же вздохнул богатырь. И вжал голову в плечи. – Я не знала. Соболезную. Но, все-таки, кто вы?! И где я?!

– Так это не богатырь, – произнес старик, глядя на «богатыря» во все глаза. – Это ... как его... слово забыл... О! Это же «бабатырь»!

Глава вторая. За Русь – усреть!

В любой непонятной ситуации умные книги по женской психологии рекомендовали мило хлопать глазами. И тогда проблемы сразу начнут решаться, мужчины упадут у ног и больше не встанут и так далее.

Поэтому я стояла и хлопала глазами, видя незнакомых людей.

– Бабатырь! – ткнул в меня пальцем маленький горбатенький дедушка. Я набралась мужества, решив поуважать старость, но позже, и расправила плечи.

– Сами вы, бабатырь! – обиделась я, отряхивая попу и рукав. Рассыпанные под ногами пакеты нужно было срочно собрать! Я села на пол, сгребая продукты. Это сон! Какой-то сон!

– Ну и разве это богатырь? – слышались разочарованные голоса. – Не похож на богатыря! Богатырь – он пудовые гири подымает!

Я сгребла макароны в пакет, схватила банку кукурузы и сунула ее туда же.

Пока люди охали и сокрушались, я собрала пакеты, включая дырявый. «Не богатырь это! Ой, не богатырь!», – сетовали в голос, ничуть меня не стесняясь.

– Ух, – взяла я два пакета и попыталась глазами найти выход. Так, погодите! Был еще третий пакет!

– Пакетик подайте, – попросила я, чувствуя себя крайне неловко.

Какой-то парень в красном кафтане схватил мой пакет и ... На его лице отразились такие муки, словно он хочет какать, но не получается.

– Дай сюда, – обиделась я, беря пакет и вздыхая. С тремя пакетами я направилась в сторону первых попавшихся дверей. Если честно, я даже не знаю, где я! А у меня там мужик голодный сидит!

– Богатырь, – слышался голос за спиной. Ну что еще! Я обернулась, не понимая в чем дело. Какой-то парень показывал на пакеты.

– Где богатырь? – прищурилась я, осматривая пакет.

– Подняла! И даже не поморщилась! – слышались голоса вокруг. Все смотрели на меня. Я удивленно смотрела на пакеты: «И что тут такого!».

– Ой, богатырь – богатырюшко! – тут же заныли все, глядя на меня. – Мучает нас Кощей Бессмертный!

Что-то они не походили на замученных жертв, было видно даже не вооруженным взглядом.

– Девиц похищает! – взвизгнул кто-то, пока все смотрели на меня. – Уже десятерых похитил!

– Он что? Солит их? – удивленно спросила я, представляя скелет с гаремом. Все это казалось каким-то нереальным, сказочным что ли. При чем здесь Кощей? Это же вымышленный персонаж!

– Ой, богатырь – матушка! – упали мне в ноги, пока я изумленно попятилась. – Совладай с Кощеем, окаянным!

– Сил больше нет! – взвыли мне. – Ты ведь богатырь!

– Бабатырь! – поправил старикан. – Смотришь со стороны – пигалица, а сумки ого-го какие подымает!

– Не, господа, я не по тем делам! – замахала я руками с пакетами, понимая, что в двери меня не пускают.

– А мы тебя обратно вернем! – слышался голос из толпы. – Как только поможешь Кощею найти конец, то мы обратно тебя вернем!

– А он сам свой конец найти не может? Там совсем все плохо? – спросила я, не желая впутываться в какую-то мутную историю. – Вы ошиблись! Не богатырь я! Я – обычная девушка, меня зовут Ира, у меня есть работа... На которой я должна быть завтра в шесть о о.

Люди переглянулись и ...

– Пустите меня! – дергалась я, чувствуя, что меня снова тащат в центр теремка. Ко мне в припрыжку понесли гроб.

– Отведай караваюшку, богатырь – девица! – поклонились мне, а на меня с крышки хлебного гроба смотрели два лебедя. – Хлеб – соль в знак нашего гостеприимства.

– Если отведаю, вы от меня отвяжетесь? – спросила я, глядя на лебедей. – Точно?

И отломила маленький кусочек от лебедя и макнула его в соль.

– Вше? Довольны? – с набитым ртом выдавила я, понимая, что каравай вкусный. – Шпашибо, было ошень вкусно... Я пошла! До швидания!

– Помогите, богатырь! Не бросай нас в беде! – заныли все.

– А что? Скопом собраться и Кощею накостылять слабо? – скривилась я, глядя на целую ораву.

– Отсюда ты дорогу не найдешь домой! – крикнули мне, слегка озадачив. Это и правда был не мой подъезд вместе с моими соседями. – А мы тебя обратно отправим!

Я решила идти дальше. Мне удалось выйти из теремка, как вдруг я увидела вокруг огромный древний лес. Немного проморгавшись, я осмотрелась по сторонам.

– Какой Кощей? Какой богатырь? О чем они? – пробухтела я, поглядывая на исчезающий теремок. Всем теремочком поехали!

Я вошла в лес, как вдруг увидела что-то зеленое, заросшее то ли мхом, то ли травой.

– У-у! – послышался жуткий голос. Я бросила сумки и тут же дала деру обратно в сторону теремка.

– Богатырь вернулась! – кричали все. И бросали шапки.

– У-у! – донеслось пугающее из сырого туманного леса. В такой лес ходят только по нужде. По большой или по малой! Я туда больше ни ногой!

– Богатырь! – скандировали люди, буквально внося меня в терем.

– Видал, бабатырь, как нечисть распоясалась! Совсем шагу ступить нельзя! Идешь по нужде, а там Кикимора сидит! В лес за грибами заходишь – там Леший. Только ведро опустил, а там рожа водяного на тебя смотрит! А теперь они и вовсе страх потеряли! Кощей вернулся!

– Ребята, – умоляла я, глядя на то, как в мою сторону несут огромные доспехи. – Я же вас по хорошему ... про... о-о-о-о!

На меня водрузили доспех, а я почувствовала, как меня медленно и уносит в сторону.

– Ой, мамочки! – пискнула я, чувствуя, как сверху на меня водрузили какое-то ведро.

– Освободительница! – послышался радостный писк, пока меня что-то тянуло к земле. Я стояла в кольчуге и не могла пошевелиться.

– Как только Кощеюшку победишь, сразу домой вернем! – убеждали меня. По полу со скрежетом тащили огромный меч. Где-то в углу рыдали девушки. Горько так. «А я думала – мужик!»

– Ну извините, – хмуро посмотрела я, когда мне пытались вручить богатырский меч.

Стоило моим ручкам его взять, как я чуть не родила богатыря к исходу октября. Был бы рядом какой-нибудь царь, я бы выполнила план по рождаемости богатырей!

– Ой, – выпал у меня из рук меч размером с две меня.

– Мы примотаем! Ты не бойся, богатырь! – суетились люди, которых я очень хотела бы назвать сумасшедшими.

– Мотайте меч, чтобы не убежал! А то как лихо на коня запрыгнет, так потом ищи – свищи его! – комментировал вредный кто-то.

Огромный конь смотрел на меня предупреждающе: «Ну давай, заскочи на меня! Давай-давай!». Он хрипел и рыл копытом пол.

– Не надо! Я не согласна! Я боюсь лошадей! – возмутилась я, когда меня всем дружным составом посадили на коня.

– Раз уж явился ты на зов, то, значит, кровь богатырская течет в твоих жилах! – вздохнул старик, утирая скупую слезу. – А раз кровь богатырская, то постой за нас!

– Я могу за вас и полежать, только снимите меня! – запаниковала я, пытаюсь уцепиться латной перчаткой за гриву огромного коня. – И посидеть! В разумных пределах! Желательно условно!

– На бой страшный богатырь отправляется, – слышался голос сзади меня и коня. Я рада бы знать, кто это сказал, но повернуться я не могла. С ноги слетел «богатырский сапог». И сделал кого-то инвалидом.

– Езжай – прослезилась люди добрые. Хотя спина уверяла, что добротой тут не пахнет!

– Освободи мир от Кощея!

– Плени его, да в цепи закуй! – советовали мне, пока я изнывала под тяжестью доспеха.

Единственный способ заковать Кощея в цепи – предложить ему ролевые игры. А потом незаметно потерять ключ. «Я медленно снимаю с себя кольчугу и сапог!», – мурлыкала я, пошатываясь на ветру.

– Ой, а можно, я сначала на печке отлежусь?

– Дай ему, поганцу! – в сердцах воскликнул кто-то, пытаюсь разбудить во мне боевой дух. Боевой дух крепко спал. И подергал ножкой в знак протеста.

– Не дам! – возмутилась я. – За кого вы меня держите!

– За коня! – тут же отчитались мне. – Ой, а мы имя богатырю не дали! На бой отправляем, а имя не дали!

– Спасибо, не надо! – обрубил я инициативу местного паспортного стола. – У меня есть имя! Ира!

– Ну что ты, богатырюшка, в самом деле! – покачали головой люди, к котором уже спешили бы санитары, если бы телефон не остался на дне пакета. – Имя богатырское должно страх на врага наводить! Ужас! Чтобы враги при звуке имени сами разбежались! У всех богатырей имена есть!

– Пофигу, – чихнула я, не чая как быстро ускакать отсюда. И, главное! Не забыть пакеты!

– Доброжир! – предложили мне имя.

– Я что? Слишком толстая? – возмутилась я, отменяя вариант. Но варианты, видимо, были заготовлены. И посыпались, как из рога изобилия.

– Путятя! – немилосердно предложили мне.

Мне казалось, что враги уже упали на колени, обняли друг друга и делают общественный туалет от смеха.

– Едет Путятя! А что? Грозно звучит! – спорил мужик один. Я его запомнила. «Путите Путятю!», – требую я, вежливо стуча в ворота богатырским мечом. А оттуда: «Не путю!». «Отпутите Путятю!», – умоляю я врагов, глядя на них глазами голодного котика.

– Ослябля! – выкрикнули из толпы. – У нас еще не занято! Или занято! Но не сильно прославлено!

Мне начинало нравится имя Путятя! А что? Отличное имя!

– Хорошее имя, Ослябля! – поддержали сволочи.

– А может, с Кошеем что-то связано! Чтобы уже трепетал! Кошедох! – выкрикнула какая-то девица. – Кошебей! Кошебол!

«Ну ты и Кошебол!», – как бы восхищаются мной. Но я то знаю. Идея неожиданно всем понравилась. «Кошебой», «Верникощей», «Кошегрыз»...

– Я что его? Есть еду? – возмутилась я, пытаюсь отмахнуться от добрых людей примотанным ко мне мечом.

– Кошесмерт! – тут же предложили мне. – Кощевал! Кощеплен!

– Вы еще Кощежомом назовите! – крикнула я, мечтая выбраться отсюда поскорее. Я пыталась объяснить, что меня не тянет на подвиги. Скорее, наоборот. И прославиться я не желаю.

– Кощежом? – переглянулись люди, задумавшись. – А что? Звучит! Пусть знает, окаянный, что его ждет при встрече с тобой, богатырь ты наш славный! Пусть знает, как девиц похищать!

– Да вы что! Я же пошутила! – возмутилась я, в надежде, что не поздно. Но мне уже несли огромный щит с новым именем.

– Ой, Кощежопушка наш, родненький! Спаси нас! – заныл мужик, падая ниц.

– Он как бы по девицам, насколько я поняла, – пыталась я утешить страдальца, как могла. Это сон! Нужно просто взять и проснуться! Делов-то! Просто проснуться!

– Эх, раз судьба тебя нам послала, то, видать, так надобно! Не посрами честь богатырскую! – пафосно кланялись мне.

– Вот посрамлю, как могу! – огрызалась я, понимая, что зря не любила позу наездницы.

Коня выводили под уздцы, а он медленно перебирал копытами. Видимо, в этом мы с ним были схожи. На подвиги он не стремился.

– Это – лучший богатырский конь! Скачет – быстрее ветра! В бой первый бросается! – инструктировали меня. Конь посмотрел на меня и намекнул, что в нем только одна лошадиная сила. – Наречешь его именем славным!

– Пакеты! – запереживала я, вспомнив про тяжелые пакеты из магазина. Нет. Ну мало ли!

Мне несли мои пакеты, вешая справа и слева от сидения. От примотанного щита отнималась левая рука. От примотанного меча – правая.

– Но! Трогай! – крикнули люди, а конь понесся по огромному туманному мосту. – Ждем тебя с добрыми вестями, Кощежом, славный богатырь!

– С-с-стоять! – пискнула я, улетаая вместе с конем в туманную даль.

Глава третья. Как бабатырь сходил налево

Может быть, опытная наездница тут же бы выдала что-то вроде: «Но!» и «Прррру!». Но я была наездницей неопытной. Поэтому выдала что-то вроде: «Аааа, куда прешь!» и «Ииии! Я сейчас упаду!». Но по факту, я имела в виду то же самое.

Мне казалось, что моей отбитой бабатырской попой можно будет колоть орехи. И сказочная белка, разгрызающая ювелирные изделия, наконец-то сплюнет с облегчением.

– Ааааа! – тряслась я, глядя ошалелыми глазами в странный туман. Если вытянуть руку, то и она затерялась бы в тумане. Где-то под нами журчала река.

– Стоять! – выдохнула я, падая на коня. Кто-то умудрился привязать меня к седлу. Поэтому пока что я чувствовала себя кентавром с бешенством коня. – Д-д-да к-к-куда ж ты п-п-прешь!

Видимо, конь уже понял, что я имею в виду и стал притормаживать.

– Молодец, – похвалила я его, потрепав по шее. – Хорошая лошадка... Стой-стой-стой... Эх! Сейчас бы слезть и обратно!

– Ыррррр! – послышался жуткий рев над головой, а я замерла вместе с конем. Конь дернул ухом и стал медленно пятиться.

Этот страшный рев, напоминающий гонки фуры и мотоцикла без глушителя, заставили меня слегка обмякнуть. Я притаилась, вжав голову в плечи. Рев послышался справа, слева и даже откуда-то сверху.

В молочном густом тумане вырисовались огромные силуэты змей, которые уходили куда-то вниз, под мост.

– Ыррррр! – ревели змеиные головы, пока я смотрела на них и очень переживала за коня. Вряд ли ему понравится лужа на спине.

– Ррррррыыыыаааа! – извивались в тумане три невероятно огромные змеи. А я понимала, что еще раз они так сделают, и запахнет кучкой.

Рев раздался снова, а я нервно сглотнула, боясь пошевелиться. На секунду рев прекратился, а сквозь туман был виден силуэт взлетающей твари размером с пятиэтажку. От удара могучих крыльев меня чуть не перевернуло в седле.

– Хренас-с-се птичка, – сглотнула я, ослеживая взглядом ревуший силуэт.

– Но! Но! – пихала я коня ногами, понимая что это «рррр» не просто. Один богатырский сапог слетел, второй еще держался. – Давай! Шевелись, тварь неразумная! Если ты не видишь масштабы писеца, то хотя бы по запаху определи! Давай! Первая передача! Вторая! Газуй, мать твою!

– Ну что, богатырь? – послышался гнусавый голос. – Сражаться будем?

Это кто сейчас сказал?

– Это кто сказал? – округлила глаза я, прислушиваясь к реву.

– Конь твой, богатырский! – гнусаво и меланхолично заметила лошадка и вздохнула. – Ты сражаешься, или того? Поедем?

– Поедем! – икнула я, трусливо следя за туманом и стуча зубами. – П-п-пусть живет птичка! Ну летает, так пусть летает! Нас не трогает и хорошо! Зачем направо – налево мечом махать... Да...

Конь медленно тронулся, продолжая свой путь по мосту.

– Ты там клубок возьми, а то я уже дорогу не помню, – послышался гнусавый и ленивый голос коня.

– Какой клубок? Есть только клубок нервов, – прошептала я, а мои слова сожрал этот густой туман. Нет, ну надо же! Такая огромная штука... И рычит жутко... Я чуть не поседела!

– Ыыр! – слышалось над головой, а меня... меня сдуло. Правда, меня удержали веревки, которыми я была крепко примотана к богатырскому коню.

Низко летает. Видимо, к дождю... Который замочит гостей на моих похоронах, если мы не поторопимся!

– Как ты посмел, смертный, ступить в царство мертвых! – слышался рев. А я чувствовала, что мы с конем сейчас станем единым бутербродом. С соусом между нами!

– Куда? – испуганно спросила я, осматриваясь по сторонам. – В царство мертвых? Так, все, извините, мы просто ошиблись адресом! Обратно поворачивай! Я не хочу записываться в покойники раньше времени!

Конь стоял как вкопанный, явно ожидая, что я слезу с него, замахнусь мечом и зверски забью врага. А на месте его покойной, необъятной туши открою завод по производству котлеток.

– Поехали, – прошептала я коню, в надежде, что смогу обороняться ... эм... банкой кукурузы! Или возьму кетчуп, намажусь им и прикинусь дохлой.

– Ладно, – меланхолично вздохнул конь. А потом повернулся и скосил на меня глаза. – Ты у меня третий!

– А как же кто не первый, тот у нас второй? – спросила я. – Впрочем, мне без разницы. В твою половую жизнь я не лезу. И ты в мою не лезь, пожалуйста. Поэтому, давай – ка мы повернем обратно и...

Послышался грохот, а мост подскочил вместе с нами. Конь, как я заметила, отличался такой невозмутимостью, что мне срочно захотелось раздобыть ту каплю никотина, которая бы убила его на месте.

– Трогай, родненький, – умоляла я коня, требующего хлеба и зрелищ.

Я пыталась найти, где у коня включается задняя передача, но пока что не находила.

– Но!!! – озверела я, ударив коня в боки. Я видела такое в фильмах.

– Ааааа! – тут же завизжала я, видя, что конь несется на врага. Силуэт врага выглядел внушительно. Из огромного тела росли три ужасные змеи, которые тут же заревели.

Мне всегда было интересно, какое слово я скажу, если вдруг со мной чего...

– Мляяаяаяя! – визжала я, несясь на коне прямо навстречу смерти. Щит выпал у меня из рук и прозвенел по каменным плитам. Остался только примотанный к руке меч. Я схватила пакет из магазина, размахнулась им и ...

В тот момент, когда огромная зубастая пасть решила проглотить вкусную канашку в виде меня и коня, я размахнулась пакетом и отправила в пасть три тысячи девятьсот шестьдесят рублей со скидкой.

Зажмурившись, я почувствовала, как мы несемся дальше. Но ничего страшного пока не произошло.

– Что?! Где?! – слышался рев за спиной. Конь притормаживал, в надежде, что у меня проснется богатырский инстинкт. И я собственноручно завалю эту тушу, обеспечив семью пельменями и котлетами на ближайшие сто лет.

– Морковка! – слышался удивленный рев. Лапы разрывали остатки пакета: «Морковка, морковка, морковка!». А я поняла, что у каждого свои предпочтения. Соседский кот, например, любит хлорку. Он в ней валяется. И пахнет потом, как санэпидемстанция.

Мы с конем вошли в туман, а потом очнулись на унылой осенней поляне. Я сопела громче коня, вслушиваясь в тревожную тишину. А то мало ли кто захочет отведать свежей богатырятины! Высунется чья-то рожа: "Мне триста грам богатырятинки! Сейчас откушу!".

– Ну что? Ночевать будем? – спросил конь, пока я ежилась от непривычного холода. Ни дуновения ветерка, ничего. Стояла осень, словно ее рисовал ребенок акварелью, забывая мыть кисточку.

– А с каких пор ты разговаривать начал? – спросила я, легонько подстегивая коня убираться подальше от возможных подвигов.

– С тех пор, как границу Нави перешли, – слышался ленивый голос коня. – Посмотри направо. Тут лес, в котором живет леший. Посмотри налево, тут озеро, в котором водится водяной. С кем сражаться будем?

– Пусть живут. Я ... я сегодня добрый! Акция: "Не вылазь сам и предупреди друга!", – громко произнесла я, осматриваясь по сторонам.

– Какой-то ты странный, – хмыкнул богатырский конь. – Яиц нет.

– Как же нет? У меня их ... десяток, – заметила я, прижимаясь к коню и трясая оставшимся пакетом.

Мы медленно направлялись по тоненькой тропке в конце которой был перекресток. На перекрестке стоял огромный замшелый валун с полуистертыми буквами.

«Как прямо ехать – жизни лишишься. Не проехать ни пройти, ни проедем, не пролетному!», – прочитала я, понимая, что это светофор.

Прямо дорога вела через мрачный лес. Старые сосны образовали мрачную арку, уходящую в туманную темноту.

– Кто-то уже пролетел, – подняла я брови. На всякий случай очень героически осматриваясь на предмет любителей богатыртинки. –

– Направо пойдешь любовь свою найдешь! – с удивлением прочитала я, с трудом разбирая слова.

Понятно, там брачное агентство!

– Налево пойдешь денег и имущества лишишься! – прочитала я с опаской.

А там сидит хороший юрист!

Направо было чистое поле. Налево был мостик через застывшую реку. Мне было очень интересно пойти и лишиться денег. А вдруг они у меня есть, а я не знаю об этом! На счет имущества – тоже интересно. Как у меня собираются отжать набор трусов «неделька» и ноутбук, которые остались дома.

– Так, куда пойдём? – спросил конь, зевая.

– Итак, если пойду направо, то найду свою любовь. А это опять у плиты становиться, готовить, стирать, убирать, рубашки гладить... Открою кастрюлю, а там последний пельмень к доньшку прилепили. Чтоб не мыть ее! – вслух рассуждала я, поглядывая по сторонам. – Любовь у меня как бы уже есть! Вторую любовь я просто морально не потяну! Я уже и так знаю, с каким звуком чешутся яйца под одеялом! А тут прямо оркестр будет! Нет, я не говорю плохо про своего любимого. В любимых недостатков нет. Мой любимый – одно сплошное достоинство. Мужское. Я его в последнее время так и называю. Коротко и емко.

Конь терпеливо ждал, как вдруг повел ухом. Меня это насторожило.

– Слышишь? – слышался встревоженный голос коня. Он странно дернул ухом.

У меня от этого «Слышишь!» мурашки по попе пробежали. Что? Где?

– Где? – прошептала я, чувствуя себя крайне неудобно. Так, определяться быстрее нужно! А то тут явно что-то нечисто! Конь бы не стал просто так паниковать!

– Если пойду налево, то останусь без денег и имущества, – прошептала я скороговоркой. – О, давай налево!

– А как же я? – возмутился конь, снова тревожно прислушиваясь.

– Не бойсь! Я тебя перепису на родственников! – ответила я, пытаясь повернуть коня налево. Но он уперся.

– Куда пойти? – нервничала я, все еще прислушиваясь. В тот момент, когда я прислушивалась, мурашки на попе замирали и холодели!

Я торопила себя, как могла! Еще бы! Место было незнакомое, тревожное. А еще конь ведет себя так, словно что-то учуял. Ну да! Он же опытный! Богатырский!

– Быстрее! Там кто-то есть! – встревожился конь.

– Сюда! – опомнилась я, выбирая путь по диагонали. Где-то между любовью и смертью!

– Эй, ты чего? Так нельзя! Либо налево, либо направо! Тропки для кого придумали? – возмущался гнусаво конь, пока я била его банкой кукурузы.

– Ты сам сказал, быстрее! – возмутилась я, трясясь и лязгая доспехами. – Там кто-то был!

– Да никого там не было! Я что? В первый раз с вами, богатырями по этому маршруту езжу? Вы как зависните возле камня, так все. Один вообще сутки думал! Поэтому я уже решил поторопить...

Мы мчались по диагонали. Если мой расчет верный, то где-то здесь одни неприятности нарвутся на другие, подерутся за меня и успокоятся!

– Будешь хорошим мальчиком я тебе ... эм... кабачок дам! – мстительно пообещала я. – Правда в банке. Но ты конь – богатырский. Разгрызешь как-нибудь. Ой, а что это?!!

Глава четвертая. Кощей бесподобный

Глава четвертая. Кощей бесподобный

Мы ехали по диагонали. Природа здесь была как бы знакомая, но какая-то... другая что ли? Деревья были слишком большими, высокими, леса непроходимые, дремучими, озера хрустальными. И ни души.

– Я так понимаю, что мы к Кощею едем, – мрачно и уныло заметил конь. – Короче, пока ты Кощея по замку размазываешь, я в сторонке постою. Договорились?

– Что? – удивилась я, вынырнув из дремоты. Это дремота накатывала с каждым шагом, обволакивая меня унынием.

– Говорю, когда ты Кошеем его собственный замок мыть будешь, я в сторонке травку пощипаю, – зевнул конь. – Еще раз! Пока ты Кощея будешь в землю вбивать мечом богатырским, я отойду?

– Да ты оптимист, – вздохнула я, поражаясь самой себе. Меч шлепал по ноге.

– Аааааа! – послышался крик, нарушая благодатную тишину. – Пусти!!!

– Так! Погоди! Там кого-то убивают или любят? – оживилась я, прикидывая, где у меня право и лево.

– Оооооо! – послышалось с другой стороны. – Пусти!!!

– В принципе, уже как бы неважно, – вздохнула я, осматриваясь по сторонам.

Мы упрямо ехали по диагонали, сбивая росу с травы. А потом резко остановились, как вкопанные.

– Что? Опять опасность? – взволновалась я, тревожно осматриваясь по сторонам.

– Обождем, – глубокомысленно заметил конь. И мы стояли, пока я тревожно вглядывалась в темноту между деревьями. Я вертела головой изо всех сил, боясь пропустить опасность. Что я буду с ней делать, я еще не знала. Скорее всего, посмотрю в глаза с предсмертным укором! Пусть чудовищу будет вкусно и стыдно!

А потом конь тронулся. И я выдохнула с облегчением.

Через метров двести мы снова остановились.

– Обождем! – произнес конь, а я тихо тряслась, вжимая голову в плечи. Ну еще бы! Он же здесь уже не в первый раз! Видимо, что-то знает! Нервные клетки стали еще нервней. У меня дергался глаз. Есть люди, которые смеются в лицо опасностям. А я круче! Я им подмигиваю!

«Не ешьте меня!», – мысленно съежилась я, оглядываясь. «А! Караул!», – паниковало что-то внутри.

Мы проехали еще метров триста. И опять остановились, как вкопанные.

– Обождем! – снова произнес конь, пока я умирала от страха. Если честно, нервная система была уже ни черту! Я понимаю, что опасность повсюду, подстерегает и все такое! «Да делать опасности больше нечего, как подстерегать тебя! Это как примерно выглядит? Так, ребята, не жрать! Она будет здесь через час! Бросайте других богатырей, все дела и дуйте подстерегать! Да если бы тебя подстерегала опасность, она бы умерла с голоду!», – фыркнул внутренний голос, пытаюсь меня успокоить.

– Чего обождем? – прошептала я, склоняясь к конскому уху.

– Я просто какаю, – вздохнул конь. – Поэтому, обождем! Яблоко, видать, переел...

– Погоди, – расправила я плечи, вспоминая, что я богатырь, хоть куда. – Ты все это время... И никакой опасности не было?

– О, теперь поехали! – выдохнул богатырский конь, продолжая свой путь. Где-то в серой дымке тумана выросал огромный замок цвета слоновой кости. Он напоминал иглу, насквозь протыкающую небо.

– Остановка – замок Кощея, – вздохнул конь, пока я смотрела на замок с открытым ртом. – Я отойду, чтобы меня кровью Кощеевой не забрызгало. Ты там свисти, если что! И Кощея сильно по поляне не разбрасывай!

– Не, поехали отсюда! – запереживала я, глядя на огромные ворота. – Давай в другой раз! Ой, а вдруг его дома нет? Мало ли, отошел куда?

– Стучись, богатырь! – вздохнул конь, подвозя меня к воротам. Я смотрела на костяные пластины и орнамент, напоминающий о грустном и вечном.

– Тук! – едва слышно стукнула я перчаткой и тут же убрала руку. В ответ была тишина.

– Ну все, битва отменяется, – с радостью пожала я плечами, не слыша скрипов цепей, дребезжания костей и других признаков: «Доброе утро! А что вы хотели?».

– Дома Кощея нет! Видимо, ушел... В магазин или на почту за пенсией! Он же как бы бессмертный! Вот и пошел страшить пенсионный фонд, – с облегчением заметила я, глядя со вздохом на неприступный замок.

– Постучи еще раз, – дернул ухом конь. – Только громче! Может, он не слышит?

Судя по размерам замка, путь из одного его конца в другой конец, займет примерно полгода. Так что волноваться нечего.

– Тук-тук, – чуть громче выдала перчаткой я, едва не уронив ее на черную, потрескавшуюся землю. Вокруг замка вся земля была такой. Безжизненной, растрескавшейся. Даже деревья возле замка стояли голыми. И не было на них ни листочка, чтобы прикрыть стыд обнаженных ветвей.

Снова тишина.

– Видишь? Никто не открывает! – со счастливым вздохом сообщила я, мило улыбаясь замку. – Но я обещаю! Мы придем завтра! Послезавтра! Каждый день будем приходить! Как «ГОРГАЗ». А пока что мы поворачиваем обратно...

Конь стоял и смотрел на ворота.

– Так нельзя! – заметил конь, а я пыталась оттащить его за поводья.

– Не переживай! Мы напишем ему извещение на... бой, – уговаривала я коня шевелить мной отсюда как можно быстрее и дальше. – Что-то вроде... Уважаемые жители мрачного замка. Завтра с двенадцати до часу вас зверски уничтожат. Приносим извинения за доставленные неудобства! Все, трогай!

– А покричать? – настырно потребовал конь, не желая уходить. – Вдруг выйдет? Вдруг прячется зло?

– Если мы покричим, то уедем? – с надеждой спросила я. Пейзажи вокруг были очень негостеприимными.

– Да, – вздохнул конь. – Скажем, что струсил окаянный!

– Отлично! Что кричать надо? – спросила я, поглядывая на самый – самый верх. Очень надеюсь, что слух у Кощея так себе!

– Выходи! – подсказал шепотом конь.

– Выходи! – пискнула я, но посмотрела очень грозно.

– Выходи чудище поганое! – тут же суфлерски подсказал богатырский конь.

– Выходи ... эм... мужик на любителя и... с плохим характером! – перевела я на язык самосохранения.

– Выходи, меряться будем! – подсказывал конь, пока я облизывала пересохшие от волнения губы. Интересно, полагается ли богатырям гигиеническая губная помада?

– Выходи, меряться будем, – пискляво повторила я. – И линейку с собой возьми...

Я посмотрела на коня, который скосился на меня.

– Нет, ну мы –то свою не взяли! Пусть вынесет, ему ведь не сложно? Правда? Или в таком огромном замке нет простой-простой линейки? – негромко продолжала я, искренне надеясь, что хозяина нет дома.

– Меряться будем силушкой богатырской, – подсказал конь, дернув ухом и тряхнув головой.

– Меряться будем силушкой богатырской, поэтому линейку не надо! – повторила я, мечтая уехать отсюда как можно скорее!

– Выходи, а не то трусом тебя считать буду! Выходи, чтобы сложить свою буйну головушку, супостат проклятый! – подсказал конь, а я уже слегка потерялась в предложении. Когда мысли заняты тем, чтобы слинять отсюда как можно скорее, особо не вдумываешься в смысл фраз!

– Эм... Выходи, а то будешь ... эм... трусом! Выходи, чтобы сложить свою буйную головку, – пыталась припомнить я, но помнила только обрывки. – Там слово такое было... Эм... О! Вспомнила! Термостат проклятый! Ой, т-т-точнее... Этот... Проститут проклятый! Что-то вроде того!

– Возвращай девиц плененных! – прошептал конь.

– Возвращай девиц плененных, – повторила я в полголоса.

Тишина радовала меня с каждым разом все больше и больше. Ну еще бы! Кощей – он же старый! А там, того и глядишь, проблемы со слухом и все такое...

– Ну, как видишь? – развела я рукой. – Видать, струсил! Все, мы его напугали, как следует! Он подумает над своим поведением! Завтра мы еще придем! Предлагаю взять тактику коллекторов! Сначала звонить ему и дышать в трубку! И его родственникам, мол, ваш дорогой Кощей украл сколько-то там девиц. Пусть вернет!». Поверь, через месяц у него глаз будет дергаться. Потом мы подождем ему почтовый ящик...

Я была убедительной, как никогда.

– Если нет ящика, то мы его поставим! А потом подождем! – убеждала я упрямого коня, жаждавшего хлеба и зрелищ. – Будем к домой к нему ходить! Угрожать! Ну скажи, здорово я придумала?

Конь молчал и думал. Его ухо дергалось.

– Хотя, трубки здесь нет, но мы можем колокол звонить и орать: «Здравствуйте Кощей? На вас долг в размере сколько –то там девиц. Просьба вернуть! С процентами!», – развивала тему я. Лишь бы уехать отсюда!

– Вот каждый день в одно и то же время. Да проснулся я, проснулся! – слышался насмешливый голос, а я увидела, что возле открытого окна кто-то стоит.

Что? Как? Не может быть! Неужели сражаться придется? Мне стало жутко.

– Тебе, дружок, с процентами девиц возвращать? – слышался голос совсем близко. Я подняла глаза на костяной балкон. Вместо балясин были огромные кости.

Внутри что-то ухнуло вниз. Я несколько раз усиленно проморгала, чтобы убедиться в реальность того, что вижу.

– Позовите, пожалуйста, Кощея, – попросила я. Так, на всякий случай. На балконе стоял мужчина с темными волосами, отливающих медным блеском. Хищный тонкий нос потянул воздух, а тонкие губы дрогнули в загадочной улыбке. Он был одет в черное, что оттеняло этот солнечный оттенок волос цвета осени.

– Кощей! Мерзкий, ... термостат! – обернулся он куда-то в зияющую темноту замка. – К тебе тут пришли! Долг в виде девиц с процентами требовать!

Незнакомец тут же повернулся ко мне. Его глаза сверкнули, когда взгляд упал на мой меч.

– Он девушкам ... проценты делает, – улыбнулись мне, сверкнув угольками глаз. – Придется подождать! Проценты будут через девять месяцев. Итак, еще вопросы есть?

– А вы кто? – спросила я, задирая голову. Фигура была внушительной и явно не похожей на костлявого старика в черной короне. Красивая линия мужских плеч, узкая талия, могучая шея заставили меня почему-то потянуть носом воздух. «Точно не Кощей!», – промелькнуло у меня в голове. Я даже помотала головой, пытаясь отогнать эту глупую мысль.

– Да так, хожу тут, брожу, – пожал плечами мужчина. – То здесь, то там! То там, то сям! А я смотрю вы приехали убивать Кощея, многообожаемый богатырь?

Мне показалось, что он сказал вместо «многоуважаемый» «многообожаемый». Или мне захотелось, чтобы показалось.

– Это и есть Кощей, – послышался тихий голос коня.

Что? Кощей? Это? Анатомическое пособие, чахнувшее над сундуком в короне и драной мантии и мужчина с фигурой богатыря... Я снова поморгала, пытаюсь сопоставить факты.

– Ну зачем ты так, конь богатырский? – вздохнул разочарованно ... получается, что ... Кощей. – Теперь точно сражаться придется. А так бы уехал богатырь по добру – по здорову.

Я дернуться не успела, как голос донесся снизу. Черные одежды стелились по лезвиям травы. Волосы каскадом были перекинuty на одну сторону, а в глазах была чернота бездны.

– Ну, дружочек мой, слезай с коня, – произнес голос, пока я прикидывала где сдают на колбасу богатырских коней!

На лезвиях травы сверкнула роса. Туманы окутали нас со всех сторон. В руках Кощей сверкнул черный меч с тусклым, мертвенным сиянием. Сияние было болотным, зловещим.

Костяная перчатка провела по волосам, а они тут же стали седыми. А на лице проступил узор в виде черепа. Острие клинка тревожно потревожило травы.

– Слезанть! – фыркнул конь, скидывая меня с себя. Я с очутилась на земле вместе с богатырским мечом. Кольчуга на мне звенела. Колени тут же прогнулись. Я стояла очень мужественно. На полуприсядках. Мои руки тащили за собой неподъемный меч. Меч один раз упал, разорвав веревку. Но я успела отскочить, поджав руки к груди.

– Негоже, – послышался голос Кощей.

Я подняла мокрый от росы меч, пытаюсь выставить его вперед. Теперь я понимаю мужчин с некоторыми проблемами. Стоило только попытаться задрать меч, как он тут же падал острием в траву.

Кощей смотрел на меня серьезно.

– Я подожду. Не переживай. Не торопись, – послышался его голос. – И как же зовут тебя, богатырь?

– Я – не богатырь, – прошептала я, понимая, как все серьезно. – Я как бы... бабатырь...

– Прелесть какая. И как же зовут тебя, бабатырь? – спросил Кощей, медленно подходя ко мне.

Я помню что там было слово «Кощей». Но почему-то мне не очень хотелось его дразнить. Я тяжело вдыхала сырость тумана. Волосы намокли и повисли сосульками, облепив щеки.

– ... ошежоп, – пробурчала я, в надежде, что он не услышит.

– Горижоп? – переспросил Кощей, сбивая лезвием росинки с травинки. По его мечу стекала вода. Бррр! А могла бы кровь. – Бабатырь Горижоп. Звучит очень мужественно!

Если что, я буду сражаться насмерть! Я пыталась представить несчастных девушек, которые томятся в темнице.

– А знаешь ли ты, бабатырь Горижоп, – медленно произнес Кощей, на секунду подняв брови. Узор на его лице действительно придавал ему сходство со скелетом. И выглядело это жутко. – Что вызывая меня на бой обратного пути нет? Или ты меня пленяешь, уничтожаешь, либо ...

– Было такое нехорошее предчувствие, сглотнула я, вдыхая сырой туман.

– Обещаю, я не больно, – послышался голос, а на мой меч обрушился его меч. Мой богатырский меч вылетел у меня из рук, но не до конца. Он был привязан!

Я стратегически отступала, чувствуя, что еще немного и буду минировать пути к отступлению.

Конь стоял и невозмутимо жевал траву.

– Если что, я дорогу обратно знаю. Не переживай, – заметил конь, опуская морду в траву.

Глава пятая. Кощей бессмысленный и беспощадный

Спасибо, что веришь в мою победу! Требую выдать богатырского коня, который в меня верит!

Я предложила коню вернуться туда, откуда он появился на свет. И передать этому самому месту, чтобы родила мне нового коня. Нормального!

Конь презрительно фыркнул, обиделся, дернул хвостом и отошел. Он как бы и вовсе не конь богатырский. А так. Дикий мустанг в туманной прерии. Туман сгущался. Уже не было видно, ни замка из костей, ни леса. Я и руки вытянутой не видела, если честно!

Убежать в этой кольчуге я не могла. Слишком тяжелая. Поэтому бросилась к коню и полезла на него. Мне удалось закинуть одну ногу в стремя, но конь вежливо отошел, давая мне возможность упасть на землю.

– Понятно, ты неопытный богатырь! – смилостивился конь, зевнув. – Ну что ж... Бери лук и стреляй в супостата! Понаражают богатырей, а мне потом катать! Лук есть?

– Да! – закивала я, обрадовавшись. – Есть! Хороший!

– Вот и славненько, – кивнул конь, косясь на Кощея. – Давай, бери лук, бери стрелы и стреляй в Кощея! Всему учить! Всему! Позор!

– Лук! Лук! – дергалась я, перепугано шаря по пакетам. О! Нашла! – Вот! Лук! Стреляю!

Нет, ну бояться же вампиры чеснока? Может, Кощей лука боится! Я откуда знаю? Конь ведь богатырский, а значит, опытный! Ему видней! Мало ли чем Кощея побеждали?

Разрывая упаковку ногтями, я достала лук. Прицелившись хорошенько, я стала бросать лук в туман. Во все стороны. Зеленые стрелы исчезали в тумане.

– Ты что делаешь? – спросил конь, дернув глазом.

– Стреляю луком! – настороженно ответила я, повернувшись к коню. – А что? Не надо? А ты чего стоишь! Не помогаешь!

– Стараюсь запомнить эту эпическую битву, – вздохнул конь, глядя на Кощея. – Чтобы потом рассказать все в подробностях! И взял бабатырь лук, прицелился и выстрелил! И отскочила стрела от Кощея проклятого. И выстрелил он еще раз. Не долетела стрела. Шлепнулась на ноги бабатырю. И завяла там...

– Где же ты, бабатырь, – слышался голос Кощея. Он приближался, а я не знала откуда. Голос бы совсем близко.

Я трусливо прижалась к коню спиной. Сзади воинственно прошуршал пакет. Я шарила рукой в пакете в поисках оружия для самообороны.

– Бдзень! – улетела в туман банка кукурузы и обо что-то ударилось.

Значит, он близко! Плохо!

Следом полетел помидор. И огурчики в стекле. Дорогие, зараза!

– Что делаешь? – спросил конь голосом, словно вокруг нас светило доброе солнышко, а меня не пытались отправить на тот свет.

– Мариную противника! – выдохнула я, швыряя горошек и перец.

– Понятно! – кивнул конь, вздохнув.

«И размахнулась бабатырь горошком зеленым, отечественным. Да уделала все вокруг с ног до головы! Да схватила она белой рученькой банку тушенки, импортной да запустила ее во вражину проклятую! Но ничего не брало вражину!», – пронеслось в голове. Видимо, я от коня заразилась!

Мне было не до шуток.

Я сняла один из пакетов и размахнулась им как следует, в надежде удержать противника на расстоянии. Если не ударом, то ужасом, что это безумие заразно!

Но ручки оторвались. И все содержимое брызнуло в разные стороны. Ускакали шампиньоны в лес дремучий. На свою историческую родину.

– Ой, сгустились тученьки над бабатырюшкой, – нагнетал конь со свойственным ему ленивым пофигизмом. – Наступало зло черное – света белого не видать!

– Так! Погоди! – дернулась я, ныряя рукой в пакет. Кошеч подошел близко – близко. Пока я стояла и испуганно смотрела на его улыбку, моя рука шарилась в поисках. Есть!

– Пысь! – выдал бутылку отбеливателя прямо в лицо черному злу. – Пысь! Пысь!

Тут же запахло хлоркой. Вот сволочи! А обещали на упаковке, что все будет белым, пушистым! Опять обманули! Отбросив бутылку в противника, я попятилась к коню. Туман снова окутал все, скрывая противника из виду!

– Смерть Кошеч в яйце, – подсказывал конь. – Ищи смерть Кошеч в яйце!

– Уже искала! Весь десяток в него бросила! Что-то не помирает в страшных муках! – задыхалась я от ужаса.

– Яйцо в утке, утка в зайце, заяц... – лениво продолжал конь, пережевывая травку. – А заяц в сундуке, а сундук где? Ну? Вспоминай?

– В духовке на температуре сто восемьдесят градусов! – рявкнула я, смутно припоминая детские сказки. – Мне что сейчас делать с этой ценной информацией? Могу только приготовить! И пусть мучается от переедания! Это все что я сейчас могу сделать с этой очень ценной информацией!

И тут я увидела, что в траве неподалеку сверкнул мой меч. Туман, кажется, слегка рассеялся.

Я бросилась к мечу, что сверкнул в траве. Кое – как я подняла его и тут передо мной возникла сумрачная фигура, окутанная туманами. Я замахнулась мечом, теряя равновесие. Кошеч отбил удар, а я поскользнулась и упала на лезвия травы.

– Мне не видно, что там происходит? – заволновался конь, но мне было все равно. Я пыталась перевести дух.

Немного погодя, я встала, глядя на кровь, которая размазалась по кольчуге и по рукам. Кошеч рядом не было.

– Обагрилась кровушкой бабатырьской земля русская, – вздохнул конь, опустив голову. Он даже удрученно покачал ею. – И пробил клинок супостата сердце богатырьское...

– Не сердце, – всхлипнула я, глядя на руки по локоть в крови. – А печень!

– Не пить больше богатырю брагу хмельную, – исправился конь. – Не пить мед... И пал богатырь на землю... И смерть героическую принял...

– Не моя! – всхлипнула я, доставая раздавленный пакетик со штрих кодом. Видимо, из пакета вылетел, когда я им отбивалась!

– Давай! Добивай его! – тут же взбодрился конь. – Без печени он слабее! Неси цепи! Вязать будем! Смотри! У тебя уже руки по локоть в крови! Начало положено! Теперь осталось его добить!

Стоило мне обернуться, как я вздрогнула. Он стоял за мое спиной. Его меч сверкнул росой.

Я словно примерзла к земле и дрожала, глядя на Кошеч. На его лице был жуткий узор. Казалось, оно действительно было черепом, у которого странным светом горели угольки глаз. Туман окутывал нас, скрывая коня, замок и лес. А я отступала в туман, чтобы найти свой меч. Наступив на него, я тут же нагнулась и подняла его. Стиснув зубы, я стояла, выставив его перед собой. Руки дрожали от напряжения! Еще бы! Меч ого-го каким тяжелым был, но я нашла в себе силы замахнуться им второй раз!

– Кто же девице меч дал тяжелый? У кого силенушки не хватило, чтобы самому сюда явиться? – слышался мертвый и глухой голос.

Он был везде! То здесь, то там. И это меня пугало! Мне приходилось вертеться на месте в непроницаемой завесе тумана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.